

№446 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

«ОТЦЫ- БАТЮШКИ»

- Благословите, отец Пафнутий! – возглашает завсегдашняя прихожанка н-ского храма, завидав проплывающую мимо фигуру в меру упитанного священнослужителя!

- Бог благословит, Марья! - масляным голоском отвечает душ-пастырь, осеняя её крестообразным жестом правой руки с символически сложенными перстами...

И что это было?! Давайте разбираться!

Значит, баба Маша, вроде как, обратилась к духовному лицу с просьбой её благословить. «Благословить» – значит, сказать ей несколько добрых слов, и помолиться о её благополучии. Сие следует из самого термина «благо слово».

Значит, по идее, батюшке приличествовало остановиться, справиться – как у неё дела, какие проблемы и устремления, пожелать успехов, и молитвенно обратиться к Богу за ниспосланием просящей благодатной помощи.

В ответ же, иерей, просто «перевёл стрелки», мол, пусть слова утешения тебе Сам Бог скажет, а мне недосуг, дескать, много вас таких, желающих услышать добрые речения! Если всем их озвучивать, язык прыщами покроется!

Во-вторых, слово «отец». Рясофорного Пафнутия баба Маша назвала «отцом». С какой стати? Он что, будучи ещё отроком, согрешил с её мамой?!

Нет, конечно, любой церковник объяснит Вам, что речь идёт о духовном отечестве. Но тогда давайте разберёмся, что мы подразумеваем под отцовством духовным? Впрочем, попутно отметим, что привязка к имени священнослужителя «отец» сильно раздражает абсолютное большинство протестантов.

Почему? О глубинной мотивации мы сейчас говорить не будем, а чисто формальная – Иисус действительно однажды сказал: «...отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах...» (Мф.23,8).

Парадоксальное изречение, не правда ли? Так уж никого?! А своего родного папу тоже нельзя звать отцом?! На этот вопрос и баптист, и пятидесятник, и харизмат смиренно ответят, мол, ну родителя, конечно, можно!

Но почему тогда: «НИКОГО на земле!»?

Беда протестантов зачастую - в узости восприятия библейских выражений, заикленность на том или ином фрагменте текста, частая неспособность сопоставлять его с общим

контекстом Библии. У православных многое не лучше, но спотыкаемся мы на другое колесо.

Так что же имелось в виду, когда Иисус говорил своим ученикам: «А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель - Христос, все же вы - братья; и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник - Христос. Большой из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится?» (Мф.23,8-12). Этими словами Господь предостерегал будущих апостолов от дробления церкви на секты и партии, и не зря. Помните, несколько времени спустя, апостол Павел будет обличать коринфских христиан, одни из которых заявляют: «я Павлов», другие: «я Аполлосов», а третьи: «я Кифин»... (1Кор.1:11). Т.е, не надо христиан делить по лидерству, наставничеству, по Богословским школам – все должны быть христовыми!

С другой стороны нельзя отрицать и **реальность** духовного отцовства духовных наставников. Как раз **об этом** сегодняшнее воскресное чтение из того же Павлова послания коринфским христианам: «Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (1Кор.4,15).

Как бы это ни раздражало протестантов, апостол называет себя отцом.

С другой стороны, если бы православные духовники вдумывались в слова Священного Писания, наверное, им тоже было бы не по себе. Павел, ведь, не только **называет** себя отцом, но и **объясняет почему**, на каком основании он имеет моральное право так именоваться. Он отец, потому, что «родил своих духовных чад во Христе Иисусе благовествованием».

Иными словами, если ты действительно способствовал духовному рождению человека – до тебя он не знал ничего о Боге, о Христе – ты ему благовестил, наставлял, воспитывал – ну тогда действительно – он твоё духовное чадо, а ты для него духовная мать или отец. Причём, сие отнюдь не зависит – являешься ли ты священнослужителем или что ни на есть **рядовым** членом Церкви.

Ну и самое главное: **право тебя назвать духовным отцом или матерью принадлежит исключительно духовному чаду.**

Гнусное хамство, когда батюшка звонит по телефону и представляется: вас беспокоит отец Асисяй.

Ветхозаветный смысл воспитания детей

Каков библейский подход к формированию личности человека? Если мы обращаемся к Ветхому завету, то, как вы знаете, ветхозаветная этика пронизана идеей служения Богу. Человек с большой буквы этого слова – это слуга Божий, раб Божий в смысле слуга-работник, не тот, кем помыкают. На самом деле, раб Божий, слуга Божий – звучит гордо. Это представитель Бога на земле, это уполномоченный Всевышнего на нашей планете. Слуга Божий – это человек, который находится на службе у Самого Бога, и поэтому в Ветхом завете акцент в **большой** степени ставится на эту вот идею постепенного приучения ребенка к каким-то заданным нормам служения Богу. Просто в силу того, что сами чада Божии ещё плохо их знают. Им надо учиться, веками. Значит,

и детям надо достаточно строго к этому приучаться.

Следовательно, там, где есть вот эта система приучения привыкания к Закону Божию, будет и в большей степени присутствовать авторитарное воспитание. Воспитание в форме такого целенаправленного воздействия, логичного, последовательного. Ну вот, вспомним знаменитое изречение из Притч – «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына». Конечно, такое целенаправленное воздействие необходимо. Но самый пафос, вообще-то говоря, Ветхого завета связан в первую очередь с тем, что это воздействие осуществляется в конечном смысле для того, чтобы вот этому чаду было хорошо. А ему может быть хорошо только в том случае, если он станет достойным членом народа Божия. А кто такой достойный член народа Божия? Это человек, который хорошо и правильно умеет применять Закон Божий в своей жизни. А как именно в этом случае выглядит конкретное наполнение его жизни - это дело его свободы. И уже вот это само законное сознание очень важно. Сознание, что надо учиться Закону, учиться правилам поведения.

Минус Ветхого завета – его несовершенство в некоторой ущербности тому свободному творческому началу, ради которого эти ветхозаветные правила и существуют. Ну, судите сами: если ты будешь озабочен тем, чтобы твоё чадо в первую очередь училось вести себя так-то и так-то, то у тебя не хватит времени думать о том, ради чего это всё, и как ты будешь потом учить свое чадо выбирать между разными формами жизнедеятельности, угодными Богу. А выбирать – это право человека, в этом он свободен.

Но свобода эта, обучение пользоваться ею – тоже большое искусство. Куда большее искусство, чем впитывать в плоть и кровь разных правил, что, например, надо почитать родителей, надо внимать премудрости, нельзя отвращаться от путей Закона Божия, потому что в противном случае ты себя заубишь.

Помните образ из Притч Соломоновых - подкарауливающих возрастающего юношу блудниц во всяких встречающихся ему соблазнительных местах жизни. Образ этот сквозной для книги книг Премудрости, и здесь важно понять, что Ветхий завет внутри себя - явление промежуточное, он выглядит как некое мигание, как проблеск того, что закон сам по себе не обеспечивает. Эти проблески хорошо видны, например, в книге Иова, а ещё лучше у Экклезиаста. А вот та же книга мудрости Иисуса, сына Сирахова больше вплетена в практическую ткань жизни. Это в ней мы читаем, например, о том, что мудрый отец не будет обращать своего весёлого лица к дочери своей. Это правило, кстати, благополучно проникло в домострой, то есть в систему традиционного воспитания, скажем, в семьях духовенства. Есть такие христиане со сдвигом (слава Богу, таких немного), которые прочитав эту фразу в книге Иисуса, сына Сирахова, сделали, скажем так, своеобразные выводы. Например, один молодой священнослужитель прежде чем повернуться к своей дочери, малышу лет полутора-двух, строил жестокую гримасу.

И, тем не менее, почему там так написано? Что имел в виду этот библейский автор? Почему нельзя обращать весёлого лица к дочери своей? Это же всё-таки книга премудрости, это не сплетня какая-то, это же не случайно вырвавшаяся фраза... Правда, в канон Ветхого завета это не вошло, но тем не менее. И Церковь она признана душеполезным чтением, полезным научением добродетели. Так почему же? Что случится, если обратишь лицо, и, самое главное, что это значит? Ну, ясно, что речь идёт не о ситуации, когда восхищённый папочка сюсюкает со своим младенцем. Потому что – а какое же лицо, как не весёлое, у него должно быть? На другое ребенок заревёт, естественно, и будет прав тысячу раз. И почему речь идёт именно о дочери? Ведь тут Библия достаточно щепетильна. Если, скажем, речь идёт о достойном членстве в народе Божием, то, как правило, присутствует образ сына. Вот «глупый сын – это поношение отцу и горе матери» (Притч. 10, 1), например. Потому что все видят: глупость – это нечестие. Нечестивый – тот, кто живёт неправильно, не по-Божески. Это действительно поношение отцу и горе матери, потому что это несостоявшаяся жизнь в очах Божиих. И, естественно, он, собственно, и не член народа Божия. А это означает, что как-то пробуксовывает

законность жизни и самих родителей: пусть они достойные люди, но вот сына своего не вырастили, как надо. А это тоже их обязательство, законное. Но вот, скажем, про дочь не сказано, что глупая дочь – это поношение, и так далее. Хотя, конечно, подразумевается такое. Но вот образ тут такой: что мудрый отец не должен обращать к дочери весёлого лица. Почему? Потому что, вообще-то говоря, дочь вырастет и станет женщиной. А женщина – это мать, опора семейной жизни. А жизнь в качестве такой опоры – она очень трудоёмкая и несколько не легкомысленная. Если, скажем, дочь привыкает к тому, что жизнь легка и приятна под кровом любящего отца, любящего её так, что он обеспечивает ей лёгкость бытия, вот он всё время весёлый по отношению к ней, – то она вот этой трудоёмкости, не говоря уже более сильных слов вроде жертвенности, не почувствует. А дочь очень располагает к тому, чтобы её баловали, и именно отец. Вот, скажем, те отцы, у которых есть дети, знают, что умилительное отношение у отцов вызывает в первую очередь именно дочь. Потому что, может быть, это даже такой устойчивый архетип человеческого сознания. Для отца дочь – это кто? Это просто та, кто приносит ему радость, скрашивает его существование. И дочь – это, как правило, не тот субъект, который испытывает интенсивное воздействие со стороны отца. Вот папа балует её, и ему это не очень трудно, если он заботливый папа. Дочь очень располагает отцов, особенно восточных, к тому, чтобы жизнь с ней была таким отдохновением от трудов праведных.

В то время как сын для отца – это куда более проблематичное явление. С одной стороны, сын желанный, потому что это наследник. А с другой стороны, именно потому, что он наследник, он с точки зрения отца должен кем-то стать. В отличие от дочери, которая не обязательно должна кем-то быть, она только радуется, и всё. И та, и другая позиция очень искушительны. Но дело в том, что сын не будет искушать тем, что к нему будет обращаться «весёлое лицо». Скорей, наоборот. Сыну всегда потенциально не хватает чего? Доверительности, открытости в отношениях с отцом. А дочь слишком перегружает этойкой лёгкой доверительностью.

Опять же, мы сейчас рассуждаем об архетипах, да ещё и восточно окрашенных. Всё на свете бывает, конечно, но некий основной принцип есть всегда. И в этом смысле, конечно, Сирах очень мудр, когда предупреждает отца от именно такого поведения. Потому что он предупреждает от того, к чему расположены абсолютно все добропорядочные папочки в отношении своих дочерей. Правда, добропорядочный папочка к моменту соответствующего созревания своего чада, которое его радовало, озабочен тем, что время настало, и надо её замуж отдавать. И что? А то, что в дальнейшем дочери как таковой, получается, в жизни отца особенного места уж нет. То она жила под крылом своего отца и радовала его, а теперь у неё новая жизнь, совершенно другая, и что уже там с ней будет, и как ей повезет – это уж Бог знает. Папа этого уже обеспечить не может. Он может её отдать в хорошие руки, по его мнению, да ещё и за соответствующую компенсацию. Вот и всё, больше он ничего не может. И он её ничему ещё и не научил. Мама, конечно, передала ей необходимые женские навыки, но ни одна мама не в состоянии просто так, за счёт какой-то мысленной трансляции, научить будущую женщину быть хорошей матерью, если специально этим не озаботиться. А ещё труднее чему-то учить свою дочь отцу. Потому что он мужчина, и он представляет, чего он хочет от своего сына. А от дочери? Ещё сложнее представить, чего он ей хочет. Чтобы она была кем? Чтобы у неё что получилось в жизни? Чтобы она состоялась как кто? И вот за всей этой веселостью, за всей этой гаммой тёплых, милых, но поверхностных отношений это всё благополучно прогляделось. И в результате что-то принципиально не состоялось.

Это очень серьёзный вопрос среди множества, на которые отвечают книги Ветхого Завета. И вообще, Ветхий завет выработал весьма устойчивую систему воспитания детей, которую даже христиане, особенно не золотого века церковной истории, норовили воспроизвести, думая, что именно это и есть то, что нужно в идеале.